

СЧАСТЛИВЫЙ

Рассказ Виктора СЛИПЕНЧУКА «Счастливый улов» особенно трогателен именно потому, что возвращает нас к истокам этой внутренней школы. В детство, к первой гордости, первой неловкости, первому серьёзному испытанию и первому уроку ответственности. Здесь всё кажется небольшим и почти домашним: новые ботинки, речка, мальчишеское тщеславие, спор, страх, слёзы, брат, школа, которая ещё впереди. Но в этой внешней простоте уже живёт то главное, что всегда дорого его прозе: становление характера, пробуждение совести, ощущение цены поступка. И то незримое взросление души, которое начинается задолго до школьного звонка.

Неслучайно накануне 1 сентября этот рассказ звучит особенно светло и точно. Школа начинается не только с букваря, тетрадей и новых ботинок, но и с первых жизненных уроков. Уроков чести, стыда, верности слову, уважения к старшим и понимания другого человека. Именно такую школу сердца мы видим в этом рассказе, где детская история неожиданно оборачивается серьёзным разговором о внутреннем выборе.

С «Огнём молчания» этот текст роднит сдержанная, но очень глубокая психологическая правда. С «Золотым корабом» — живая память о пути и пережитом. А с более ранней прозой — то драгоценное чувство подлинности, когда писатель ничего не выдумывает поверх жизни, а бережно извлекает из неё смысл. В «Счастливом улове» нет громких событий, но есть то, из чего потом складывается человек, — память о своём детском смутении, о стыде, о благодарности, о счастье быть понятым. О радости возвращения домой не просто с ботинками, а с первым пережитым нравственным опытом.

Именно поэтому рассказ читается не только как воспоминание о детстве, но и как тёплое напоминание всем нам — и детям, и взрослым: самые важные уроки человек получает не по расписанию. Иногда они приходят с шумом воды, с болью утраты, с добрым или жёстким словом другого человека. А ещё с внезапным чувством собственной вины и с тем светлым облегчением, которое остаётся в душе, когда испытание всё-таки пройдено.

МОЯ самая старшая сестра Гая приехала откуда-то издадека и привезла мне в подарок новенькие ботинки. Я никогда летом не носил никакой обуви, а тут — ботинки. Такие красивые, с рантиками поверх жёлтых подошв. Я их померил, и все сказали — раз нигде не жмут, значит, впору. Сестра обрадовалась, что угадала с размером. Сказала — носи, не жалеи, на следующий год к школе другие куплю.

Носить как обувь такие красивые ботинки я не мог, но как подарок — то, что они у меня есть и я могу их показать пацанам с рисозавода и гарнизона, для меня представлялось очень важным. И я сразу же убежал на сеновал. Там, сняв ботинки, связал их длинными шнурками и, найдя сухую палочку с рогулькой, повесил на неё ботинки, словно свой рыбацкий улов. Перекинув палочку с ботинками через плечо, я сразу направился к рисозаводскому клубу. Он стоял на берегу речки, и там в полдень собиралось много пацанов, чтобы покурить и позагорать. Особенно таких мелких, как я. Конечно, я никогда не считал себя мелким, и сейчас ботинки могли это лишний раз подтвердить.

Я сразу решил, что появиться у клуба надо с другого берега речки, чтобы все подумали, что ботинки на палочке у меня уже давно и я ими не хвастаюсь. До появления ботинок я сам всегда осуждал всех, кто чем-либо хвастался.

Вначале всё складывалось великолепно. На первой ямке, где обычно купается пацанва из средней группы детсада, я перешёл на другой берег. Увидев на моём плече палочку с ботинками, пацанва стала кричать, что, наверное, в этих ботинках я скоро пойду в школу?! Я ничего не ответил, и они стали уверять друг друга, что, когда придёт срок, им тоже такие купят.

«Какие они глупые», — подумал я. И всё же фурор на первой ямке убедил меня, что ботинки

произведут сильное впечатление и на моих сверстников возле клуба.

Думать об этом было настолько приятно, что, идя по берегу, я не мог думать больше ни о чём. А между тем наша речка берёт своё начало в сопках, где как раз накануне прошли дожди, и даже на первой ямке воды было больше обычного. Но я этого не заметил и, только подойдя к клубу, обратил внимание, что здесь, у клуба, перейти речку вброд не получится, а я — не умею плавать.

Пацаны, увидев меня, предупредили, что просто так речку не перейти, всюду воды с головкой. Надо чуть-чуть спуститься вниз, к железнодорожному мосту, там рисозаводская плотина, через кото-

рую перекинуто очень длинное ошкуренное бревно.

Я знал это место, там, среди камней, мне уже доводилось со старшим братом Эдиком ловить раков. Эдик очень строгий. Он учится в третьем классе и говорит, что иногда я ни с кем не считаюсь, и если так, то и он не будет со мной считаться.

— Ну и не считайся, — сказал я.

Пробираясь сквозь заросли ивняка, мне приходилось ориентироваться по нарастающему шуму воды. Я представлял, что это шумят вскипающие буруны, перескакивающие через камни. Ка-

ково же было моё удивление, что ни одного камня нигде не было. Это шумела вода, скатывающаяся водопадом поверх новой деревянной плотины.

Бревно было на месте. Когда-то по нему я легко перебежал через речку. Сейчас же это было страшное зрелище. Потому что я знал, что там, в толще кипящей воды, спрятаны остроугольные камни, и если я упаду, то разобьюсь и не смогу выбраться. И пацаны, изредка пробегающие по железнодорожному мосту с удочками, вряд ли заметят меня тонущего.

«Ничего страшного», — подумал я и тут только вспомнил о своих новых ботинках на палочке. Бревно и шумящий водопад под ним невольно поторопили меня. Я опасался, что в какой-то момент испугаюсь идти по бревну. Недолго думая, сунул палочку с ботинками за майку на спине. Палочка оказалась слишком длинной. Когда я встал на четвереньки и поднял голову, чтобы видеть бревно, ботинки оказались у меня прямо перед носом. Они, конечно, заслоняли обзор, но мне это показалось мелочью. «Как-нибудь ухитрюсь, увижу», — подумал я и, не теряя времени, пошёл по бревну на четвереньках.

Конечно, я и не думал, что в таком безлюдном месте кто-нибудь наблюдает за мной. Я перебирал коленями медленно, держал во внимании не только палочку с ботинками, но и бревно, которое теперь занимало меня в первую очередь. Где-то на середине водопада неожиданно услышал:

— А теперь сядь на бревно и поправь палочку с ботинками.

Замечание было весьма кстати, потому что палочка сместилась совсем на край плеча, но само замечание было настолько внезапным, что я невольно ускорился — и палочка с ботинками вдруг выскользнула из-под маеч-

ки и рухнула в самое месиво водопада.

Я остановился. На какое-то мгновение мне показалось, что вместе с ботинками это я сам рухнул. Ничего вокруг не видел, только пучину пенящейся воды. Сколько простоял на четвереньках, не помнил. Вначале увидел острую рогульку, затянутую пузырями, потом другой, ныряющий конец палочки. Я ужаснулся, потому что не обнаружил на ней полосок шнурков. «Всё, — решил я, — шнурки соскользнули, и ботинки утонули. Что теперь подумает сестра, что подумает мама?!»

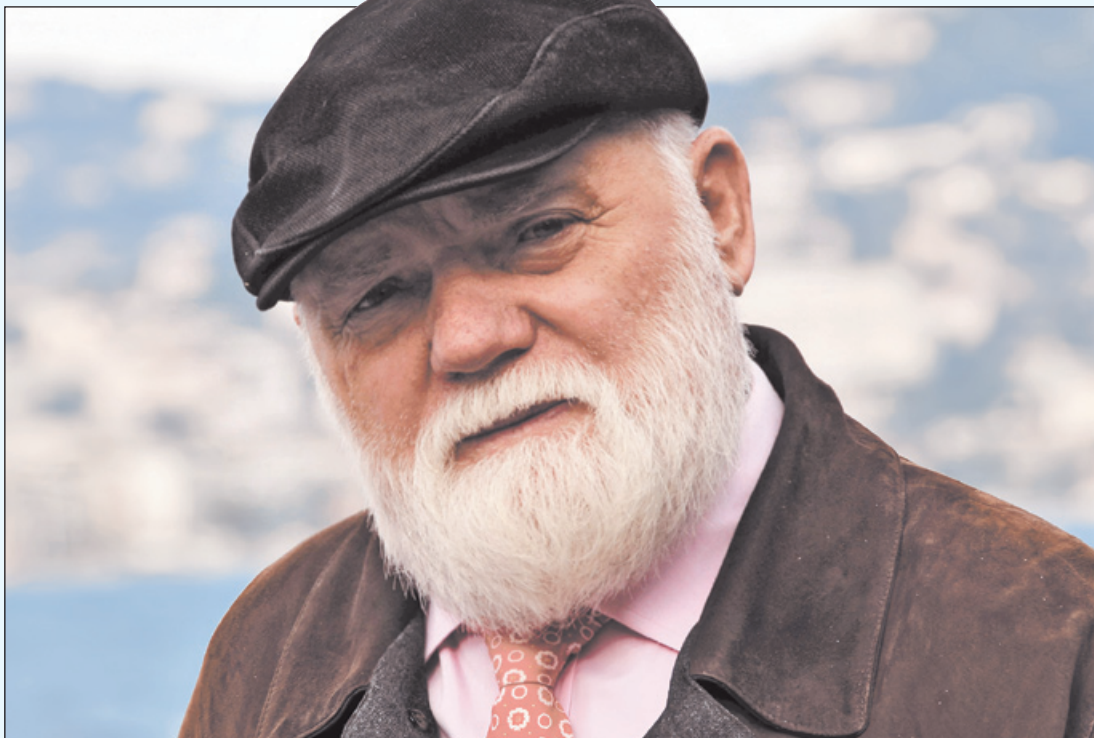
Я с силой зажмурился и на четвереньках, соскальзывая, помчался на другую сторону речки, потому что на другой стороне берег был пологим и я надеялся выловить палочку. Зачем — я не представлял.

В конце бревна я опять посмотрел в сторону палочки. Островок пузырьков отстал, и я отчётливо увидел на палочке прямо по середине две полоски шнурков. Моёму счастью не было предела. Ботинки не утонули. Они плывут. Их можно выловить. И, словно подтверждая мои мысли, со стороны железнодорожного моста послышался голос:

— Ботинки не утонули, их можно выловить.

«Да, можно, но я не умею плавать», — пронеслось в моей голове, и я, встав с четверенек, побежал к пологому берегу ямки. Только здесь постепенно пришёл в себя.

Попав в затон, палочка остановилась, но я знал, что в любой заводи есть невидимое для глаз течение и надо что-то предпринять немедленно, сейчас. Потому что пройдёт какое-то время — и палочку с ботинками опять захватит течение, и ботинки уплывут под железнодорожный мост, и там их уже никто не найдёт.

Виктор СЛИПЕНЧУК — известный русский писатель, поэт и постоянный автор «Аргументов недели». Его творчество всегда отличали душевная достоверность, внимание к простому человеку и редкое умение видеть в частной судьбе черты большого времени. Книги писателя — от ранней прозы «Освещённый минутой» и «Хожения в Золотой Херсонес» до «Огня молчания», «Золотого корабля» и романа «Зинзивер» — объединяет одно важное свойство. Память у Виктора Трифоновича никогда не бывает только воспоминанием, она становится нравственным опытом, внутренней школой жизни и способом понять человека во всей его хрупкости и силе.

В. Слипечук. Собрание сочинений в 8 томах

УЛОВ

— Ты умеешь плавать? — услышал я уже знакомый голос.

— Не-ет! — невольно вскрикнул я.

— Тогда твоё дело дрянь, — сказал голос и, помолчав, сообщил, что знает моего старшего брата Эдика, потому что часто с ним играет в шахматы и почти всегда у него выигрывает.

— Нет, — сказал я. — Тебя звать Дима Плотников, и счёт у вас одинаковый.

— Ах вот как?! — удивился Плотников и спросил: — Ты, наверное, уже умеешь читать и писать?

Я промолчал, потому что догадался, что он скажет — пусть твоё чтение и умение писать поможет тебе выручить ботинки. Я так подумал, потому что однажды, собирая шахматы, брат сказал, что этот Дмитрий Плотников очень умный, но неправильный — часто врёт и всегда в свою пользу.

— Интересно, откуда ты знаешь про счёт, тебе что, брат докладывает?

— Нет. Брат ведёт журналчик ваших партий, и я сам увидел счёт.

— Вот как?! — опять удивился Плотников и заключил: — Значит, ты уже умеешь и читать, и писать.

Его заключение очень напрягло меня. Сейчас-сейчас он скажет — пусть твоё умение читать и писать поможет тебе достать ботинки. Но он так не сказал, он пошёл дальше.

— Ставлю условие: если признаешь, что я обыгрываю брата, то помогу спасти ботинки.

— Но у вас же поровну!

— Это у вас поровну, а у меня — я его обыгрываю. — Он помолчал. — Давай соглашайся — или пойдёшь домой без ботинок.

Невидимое течение действительно развернуло палочку, и она, как стрелка компаса, указывала точно под мост. Я знал, что от бессилия у меня потекли слёзы. И мне их нельзя вытирать, потому что с «распускающимися нюни» никто из настоящих школьников разговаривать не будет. А мне нужно было как-то убедить этого Диму Плотникова, чтобы он помог мне выловить ботинки. Но и соглашаться с его условием — подведу брата. Я не знал, что делать, всё кипело во мне. И тут я вспомнил, что когда спорят, то обязательно придерживаются правила — никого не примешивать к спору.

— Какие правила?! — опять удивился Плотников и сказал, что в таком случае ему нет интереса вырывать чьи-то ботинки.

— Нет! Интерес есть, — сказал я. — Я тебе дам рубль, десять новеньких десятикопеечных монет.

— А если два? За каждый ботинок по рублю, — объяснил Плотников, и я сразу понял, почему брат считает его очень умным.

— Двух нет, — признался я. — Мне и эти монеты пришлось вы-

менивать с трудом, не пожалел даже пенала для карандашей.

И тут я услышал гудки мчащегося паровоза.

— Поезд! — крикнул я Плотникову.

— Эх, раздеться не успею, — сказал он без сожаления и, встав на плоские перила моста, резко поднявшись во весь рост, невольно покачнулся назад.

Я обмер. Гудки нарастали, становились всё громче, всё пронзительней. Поезд и не думал замедляться или приостанавливаться. Наш мост для него — не мост, по длине короче любого пассажирского вагона.

Плотников немножко постоял, примерился, чтобы нырнуть в воду на самой глубине, и, как только паровоз вылетел на мост, что было силы солдатиком сиганул с моста. В воздухе он поджал ноги и вошёл в воду бомбочкой. Взрыв воды получился с такими большими брызгами, как от самой всемогущей бомбы.

Палочку подбросило, шнурки сместились. Теперь полосочек не было видно, но ботинки были на палочке, я догадался по рогулке, поднявшейся над водой.

— Они ещё здесь, — сказал Плотников и очень шумно нырнул по направлению к палочке.

Это было очень глупо. Потому что под водой теряется необходимая точность. Он вынырнул в стороне от палочки, а когда подплыл к ней и выпростал ру-

ку, чтобы схватить её, промазал — толкнул рукой как раз тот конец палочки, на котором держались ботинки. Палочка, как живая, полностью вынырнула из воды. Плотников схватил её и, изловчившись, словно копьё метнул на берег.

Я подбежал к ней. Палочка была всё такую же, с одной стороны с рогулкой, а с другой местами со слезшей и засохшей корой. Без ботинок она не имела никакой ценности, но всё это время она держала мои ботинки, всё это время она была на моей стороне, и мне её вдруг стало жалко. И я сказал себе, что с ботинками или без ботинок я вернусь домой с палочкой.

Между тем Плотников понял свою оплошность. Стал нырять туда-сюда, чтобы выловить ботинки. Но у него не получалось. И тогда я сказал, что он ныряет в сторону берега, а надо нырять в сторону течения, словно ботинки всё ещё на палочке.

— Но они не на палочке, — возразил Плотников.

И всё-таки стал нырять в сторону течения, но ботинок не было. И тогда Плотников сказал, что ныряет в последний раз. Мне было так грустно и больно, что в ответ, не раздумывая, я бросился в воду. Мне хотелось, чтобы никто не думал, что я прохлаждаюсь, когда кто-то ловит мои ботинки.

— Выдь, выдь из воды! — испуганно закричал Плотников, и это остановило меня.

Нахлебавшись, я с трудом вместе с палочкой выбрался на берег и, не разбираясь, сел на песок. Теперь меня не интересовало, что делает Плотников. Мне было пусто и одиноко, потому что я точно знал, что во всём, что произошло, виноват я сам. Даже услышав радостный возглас «вот они!» и увидев ботинки в поднятой руке Плотникова, я не испытал радости. Что-то большее перегорело во мне.

Бросив ботинки к моим ногам, Плотников сказал, что теперь их надо подсушить и намазать гуталином. И ещё он сказал, что ему не нужен мой рубль. Достаточно будет, если я скажу брату, что сам лично видел, как он, Плотников, нырнул с железнодорожного моста.

— Я-то скажу, — сказал я. — Только брат со мной не считается.

— Я его знаю лучше. Скажешь, как я сказал?

Я пообещал, и мы разошлись. Он пошёл по железнодорожной насыпи, а я окольным путём, чтобы не проходить возле рисо-заводского клуба. Мысль о брате, о том, что он со мною считается и я ему всё расскажу, была настолько приятной, что вновь и вновь возвращала меня к ботинкам, которые я нёс на палочке, словно свой самый счастливый улов.

23.08.2026

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru